

25 сев. 1984

К 80-летию НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

«Я СЧАСТЛИВЫЙ ПАРЕНЬ»

ОКОЛО 16 ЛЕТ, ДО ПОСЛЕДНЕЙ МИНУТЫ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО, ПРОДОЛЖАЛАСЬ ЭТА БОЛЬШАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДРУЖБА

Они познакомились, когда Петру Новикову было 20, а Николаю Островскому — 16 лет. Первый отдавал все силы борьбе с бандитизмом, а второй, еще не осыпавшись от стремительных атак Конной Армии, ехал залечивать боевые раны в родную Шепетовку.

О них нельзя было сказать, что они только начали жить — они уже жили во всю силу горячих характеров, ощущая у виска дыхание эпохи.

С Петром Николаевичем Новиковым мы встретились недавно, в залах Сочинского литературно-мемориального музея Н. А. Островского. Именно здесь, в Сочи, во время бессонных ночей Николай Островский решил «записать события, свидетелем и участником которых был». Здесь им были написаны слова, ставшие жизненным кредо писателя и многих людей планеты: «Самое дорогое у человека — это жизнь...»

Десять лет неподвижной жизни и восемь из них — при полной потере зрения не сломили бойца и писателя. «Я счастливый парень», — писал Островский в один из моментов своей жизни. — дожить до такого времени, когда некогда дыхнуть, когда каждая минута дорога. Знать, что все прошлое вернулось — борьба, труд, участие в стройке, радость победы, горечь поражений. Разве это не счастье!»

Эти чувства так знакомы Петру Николаевичу Новикову... Соратники, современники — они шагали вместе по одной дороге.

этом этапе или все-таки можно найти выход из положения и быть полезным людям. Николай говорил, что больше всего боится остаться на инвалидных задворках, то есть, по его мнению, получать государственную пенсию и дожидаться в тиши последние годы. Он был согласен на любую работу — кассира или раздатчика талонов — только бы быть с людьми, быть кому-то полезным.

Около двух лет в Харькове он жил у меня на Лермонтовской. Периодически его обследовали и делали операции. Но, несмотря на тяжелое физическое состояние, он выглядел бодрым, не терял надежды на выздоровление и вообще был притягательным центром для людей.

В первом Украинском медико-механическом институте, где лечили Островского, у него быстро появились друзья среди больных и медперсонала. Палата была маленькая, на трех человек, но вечерами набивалось до десяти и больше. Все газеты, поступающие на этаж, первым делом приносили Островскому. Он готовил для всех обзор новостей, проводил политинформации. Много спорили, особенно о троцкизме. Сидели на стульях, на кроватях, на подоконнике. Приходили больные из других палат, заходили старичок-ветфельдшер Фрол Васильевич Лукашев, медсестра Анна Павловна Давыдова, Мария Родкина, которую впоследствии Островский описал в «Как закалялась сталь» под именем Доры Родкиной. Наконец, заходил главврач и ругал всех. Говорил Николаю: «У вас тут политический клуб, а не больница».

И только когда я сам попал на лечение в институт и два месяца пролежал в одной палате с Николаем — у меня были повторные операции с ногами, — я увидел, что бывают у него и тяжелейшие минуты отчаяния. Но тогда он старался не показывать этого окружающим, часами лежал, отвернувшись к стене, и до боли кусал губы.

— Думал ли он в то время о литературной деятельности?

— Трудно сказать. Но предпосылки к тому были. Островский был замечательным рассказчиком. Он рассказывал так, что люди буквально рты раскрывали. Рассказывал о детстве, о фронте, пересказывал прочитанные книги, и при этом любил переключать сюжет, додумывал свое. Было трудно понять, где

— Да, мне пришлось быть свидетелем того, как он терял здоровье, как мучительно думал, заканчивать ли жизнь на

П. Н. Новикову
25 января 1929 г. Сочи

Милый Петя!
Дружочек родной мой, я только что оживаю от воспаления легких, чуть жив. Живу на новой квартире. Адрес: Сочи, ул. Войкова, № 39. Нет у меня сейчас сил все написать, но ты меня поймешь. Я перенес столько перенял и физических, и душевных. Знаешь буденковский марш — «Вся наша жизнь есть борьба», это ко мне подходит на сто процентов.

Мой милый Петя! Когда мы встретились летом (а мы должны встретиться)... тогда я много чего тебе передаю. Сейчас у меня только крупинки здоровья — я почти совсем слеп, не вижу, что пишу. Я определенно знаю, что могу еще продержаться при хороших условиях эту зиму и лето — жестоко загнан в физический тупик, — подумай, Петя, угасло зрение — такая радость жизни. Разгромив меня на голоду физически, сбив меня в этом со всех опорных пунктов, ничто не может лишь унять моего сердца, оно горячо бьется. Как трагически сложилось, Петя, что внутри такая энергия, такая хорошая, ясная, большевистская установка, и тут же в доску разрушена вся система: руки, ноги, глаза и т. д. и т. п.

Я прекрасно сознаю всю жуть и неизбежность ближайших месяцев, но без слезных флюидов, как материалист, я не могу тебе писать, мне не давали, температура была 41,6°, теперь все прошло, я же никогда не забываю, что у меня есть друг. Твоя открытка лишь доказательство того, что ты тоже знаешь товарищество — и чему, например, писать, если я имел не раз малословные, но искренние и родные доказательства, что у тебя живо и крепко товарищество и парню, бывшему когда-то бойцом, и которому ожесточенная буря классовых борьбы сожгла все, что может носить тело. Оживая, я еще под гнетом прошедшей боли сблизился с еще одним моим другом — радио. Я получил твой 2-ламповый усилитель. Петя, я шлю тебе 17 рублей и прошу тебя — купи мне сейчас же, сейчас же (прошу) громкоговоритель «Лиллипут». Этот крошечка-громкоговоритель внесет в мою комнату жизнь... Я очень много экономически взял у тебя, но ведь этого не нужно говорить. Я так ясно чувствую, как ничтожны наши заботы о вещах, когда уходит жизнь.

Жму руки. Коля.
— Какое влияние оказывал Островский на окружающих людей и лично на Вас?

— Я уже говорил, что человек он был удивительно притягательный. Рядом с ним я и другие товарищи заражались жизнелюбием, стойкостью, неуемностью.

Когда Островский уже не мог встать, он просил своих знакомых приводить к нему молодых людей, комсомольцев, расспрашивал их, как живут, чем интересуются, быстро сходилась с ними, становился их товарищем. Он фактически продолжал вести свою комсомольскую работу, используя свой опыт в организации комсомольских ячеек, как когда-то, когда был секретарем райкома. Николай говорил: «Я беспощадно эксплуатирую своих слушателей, но от этого у нас получается обоюдная польза. Я им отдаю свои знания, а от них получаю все то, чего не могу увидеть сам». Многим из проверенных ребят он давал рекомендацию в партию. Дал он ее и мне. Островский очень хотел, чтобы ряды коммунистов росли и крепли.

П. Н. Новикову,
2 февраля, 1929 года. Сочи

Дорогой мой Петруся!
...Скажи, как смотрят Карась и другие ребятки на твою организационную политическую пассивность и что они делают в отношении ликвидации ее. Мое желание такое: позна-

комья с яичной каной-либо, наладь ее систематическое посещение, начиная там кое-что делать... Есть ли у тебя Устав ВКП(б)? Познакомься с техникой вступления. Главное, Петя... необходима общественная работа. Вот ты и начинай увеличивать (...). А то, что будут тебя критиковать, что ты не вступаешь до сих пор, то они будут правильно критиковать. Я бы тоже тебя крыл нещадно. Это одно другому не мешает. Одно только знаю твердо, что если бы я остался работать в Харькове, то ты давно бы имел партбилет, боролся бы и работал в наших рядах не хуже других. Как хочешь, но оставаться в таком первобытном состоянии не годится. Я не буду разводить тебе канифоли, но мне непонятна и досадна отчасти твоя туглоподвижность. Ведь впереди идут ожесточенные бои. Кто его знает, может, тебе опять придется на коня нарабкаться. Что, думаешь, раз стал специалистом да ноги латаные, ничего, влезешь. Ну, приедешь ко мне, будем ругаться.

А пока крепко жму твою руку. Привет друзьям.

Коля Островский.

Р. С. Писала моя мама — я с глазами в осаде. Пиши мне больше, чаще. «Лиллипут» мой орет: «Алло, алло! Говорит Москва!»

Многие люди, которых судьба сталкивала с Островским, припадали к нему, как к живительному роднику. Не движим, слеп лежал человек, а от него невозможно было оторваться, так он верил в людей, в их силы, в их прекрасное назначение.

Помню, поехала на море лечиться моя знакомая Роза Ляхович. Я попросил ее заехать в Сочи, к Островскому. Она поехала в мае, а вернулась... в ноябре, так и не доехав до места лечения. Все время ухаживала за Николаем, проводила в общении с ним. Она писала мне: «Приехал Муся Карась и спрашивает, чем я занимаюсь и где бываю. А я отвечаю, что бываю только у Николая, слушаю только Николая и больше нигде не хочется». Потом то же самое мне пишет Карась: «Бываю только у Николая, слушаю только Николая...»

— Даже когда Островского не стало, его личность, его книги да и сама судьба продолжали восхищать людей, оставаясь для них высоким светом. Вы наверняка слышали о людях, которые, потеряв здоровье (таких много было после Великой Отечественной войны), хотели покончить с собой, и именно «Как закалялась сталь» Островского помогла им справиться, остаться жить и быть полезными.

— Да, со многими из таких людей я веду переписку, делюсь воспоминаниями об Островском, переписываю его письма ко мне...

П. Н. Новикову,
11 сентября, 1930 г. Сочи

Обо всей прошедшей восьмимесячной московской сумятице не буду писать. К черту!!! Это сплошной клубок из боли и крови, чуть не стоивший мне жизни. Удивлял меня лишь то, что я все же пока ушел от смерти, или же она ударила от меня.

После всего происшедшего это редкое исключение или недоразумение. Прибавился еще один громадный шрам, не боевой — лазаретный. И только...
Динамо жизни не затухает. Нонтральная черточка показывает высокую точку напряжения — сто киловольт. Динамо может затухнуть только с последним стукном сердца (...). У меня есть план, имеющий целью наполнить жизнь содержанием, необходимым для оправдания самой жизни.

Я о нем сейчас писать не буду, пока только это проент. Скажу пока кратко: это касается меня, литературы, издательства «Молодая гвардия»...

Николай.

Как-то написал мне паренек из города Кириши Ленинградской области. В детстве он потерял зрение и вот пишет, как плохо ему, ведь он только входит в жизнь, а как жить без глаз? Конечно, мы говорили об Островском. Недавно он написал мне, что работал летом в пионерском лагере, а теперь в одном коллективе стал комсомольским пропагандистом.

Другой мой адресат — Валерий Завьялов — живет в Москве. Он инвалид с детства. Говорил так плохо, что его отказывались принять в школу. Потом одна из учительниц сжалилась, взяла к себе в класс, стала водить к логопеду. Сейчас Валерий, закончив зочный институт, работает библиографом в библиотеке им. В. И. Ленина. Здоровье не стало намного лучше, но он нашел себя в жизни. У него уже есть свои авторские библиографические справочники. Издательство «Молодая гвардия» выпустило книжку Завьялова «И невозможное возможно».

— Вы много ездите по стране, встречаетесь с молодежью, видите благоприятные условия, в которых мы живем. Но, наверное, не обязательно иметь судьбу, похожую на судьбу Островского, чтобы жить по-корчагински, чтобы биться в груди корчагинское сердце...

— Конечно! Сохранить дух Корчагина — вот что важно каждому человеку. Несколькими годами назад я был на БАМе, в Тынде. Удивительные ребята мне встретились. После одного выступления меня пригласил в гости каменщик Лева Кукушкин. Оказалось, что в двух его комнатах на улице имени XVII съезда комсомола ребята устроили настоящую коммуналку. Все делают сообща. Сообща собирали библиотеку, организовали литературный кружок, пишут историю БАМа... Когда я только появился у них, они, критически осмотрев мое легонькое пальто, тут же предложили мне полушубок и валенки, заявив, что берут надо мной шефство. Мы всю ночь проговорили о том, что же такое счастье, для чего живет человек.

По-корчагински бьются сердца этих ребят. И то, что когда-то сказал Островский: «Мое счастье безмерно. Ибо нет счастья больше, как быть бойцом», и сегодня имеет для них большой и глубокий смысл.

Мы прощаемся с Петром Николаевичем крепким рукопожатием. Ему 84 года и он многое хочет еще успеть. Издана книга «Письма к другу» (его переписка с Островским). Готовится к печати новое, доработанное издание. С участием Новикова снят телефильм об Островском. Театры ставят пьесы и тоже обращаются за помощью к нему. Продолжается работа в музеях. А еще письма, ждущие ответа. Их сотни, на разных языках.

«Островский жив», — говорит он мне на прощание. — Островский с нами! Людмила ОБРАЗЦОВА, наш корр.

Сочи.

НА СНИМКАХ: Н. Островский; П. Новиков.

Дорогие друзья!

Приветствие Вас от имени правды, великого комсомольца, писателя, Николая Островского и лично Вас обитавшего на всю жизнь верным его заветам: крепко любите слово Родину и беречь себя на передовых позициях борьбы и труда.

П. Новиков

— Правда, а где выдумка. Когда его «ловили» на фантазиях, он смеялся и отвечал: «А правда, так было бы лучше?»

Уже тогда Островский запоем читал книги. Прочел все десять томов Шекспира, которые были в моей библиотеке, десятки других классиков. Очень любил Горького; пожалуй, даже больше всех. К сожалению, в те времена мы жили при керосиновых лампах. Это стоило Островскому зрения. Я получал его письма из Горячего Ключа, Новоросская, Сочи и чувствовал, что энергия, с которой он старается жить, все больше забирает у него здоровье. Но иначе он, и не мог.